

А.А. Зданович

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ

РЕФОРМЫ СО ЗНАКОМ ВОПРОСА

Военная контрразведка в 1940-1941 гг.

Как в предвоенный период, так и с началом Великой Отечественной войны руководство СССР придавало большое значение обеспечению безопасности Красной армии и флота от внешних и внутренних угроз в целях их поступательного развития, повышения уровня боевой готовности и эффективного применения в условиях вооруженного противостояния с потенциальными противниками.

Противодействием угрозам, нейтрализацией их негативного воздействия на советские Вооруженные силы непрерывно занимались высшие политические и военные органы управления. Однако исполнительным аппаратом в данной сфере, безусловно, являлись структуры государственной безопасности, как бы они ни именовались и в какие бы ведомства ни входили на протяжении рассматриваемого периода.

Как известно, практически весь межвоенный период главным субъектом управления в сфере обеспечения безопасности армии и флота выступали органы ВЧК – НКВД, прежде всего, в лице Особого отдела. Отлаженная за многие годы служба военной контрразведки начала давать серьезные сбои в годы массовых репрессий (1937-1938 гг.), когда острие ее деятельности направлялось руководством страны на поиск «подрывных элементов», шпионов и вредителей в военной среде. В ходе массовых «чисток» контингента военнослужащих страдали и ни в чем не повинные люди. Под «каток» репрессий попали и многие сотрудники особых отделов. Были арестованы по ложным обвинениям, осуждены на длительные сроки или расстреляны все сменявшие друг друга с калейдоскопической быстротой начальники Особого отдела ГУГБ НКВД СССР и руководители его структурных подразделений. К концу 1938 года не остались на своих должностях и начальники особых отделов военных округов и флотов. После принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от ноября 1938 года¹ масштаб репрессивных действий резко сократился. Однако, что касается сотрудников органов госбезопасности, то количество арестованных за нарушения «социалистической законности» даже несколько увеличилось, не

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937-1938. Документы. М., 2004. С. 607.

говоря уже об увольнении со службы, снижении в должностях, отстранении от оперативной и следственной работы.

На основе решений Центрального комитета ВКП(б) в органы госбезопасности, включая и особые отделы, стали направлять в массовом порядке партийных и комсомольских работников, выпускников военных училищ и академий². Так, после окончания Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского начальником Особого отдела приграничного Белорусского военного округа в феврале 1939 года был назначен П.Г. Бегма. Еще один выпускник этой академии – Н.А. Осетров возглавил Особый отдел Киевского военного округа. Даже не окончив полный курс академии, М.Е. Ростомашвили стал в июле 1939 года начальником Особого отдела Харьковского военного округа. Аналогичные должности заняли и многие другие слушатели военных академий.³

Начальником Особого отдела Орловского, а через несколько месяцев – Киевского военного округа, весной 1939 года был назначен выпускник Военно-инженерной академии РККА имени В.В. Куйбышева А.Н. Михеев. В августе 1940 года, т.е. спустя всего полтора года на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) молодой чекист возглавил всю систему военной контрразведки страны.⁴

Большинство из новых назначенцев, безусловно, имели безукоризненные политические и военные характеристики – аттестации, но, к сожалению, не обладали даже минимально необходимым оперативным и следственным опытом для эффективного руководства большими коллективами в специальных службах, не владели методикой чекистской работы. Исходя из этого, отстаивать интересы военной контрразведки в общей системе принятия тех или иных решений на государственном уровне им было достаточно сложно. Особенно ощутимо это стало в ходе и после окончания Советско-финляндской войны, когда зримо проявилось желание военного командования взять под свое руководство всю систему особых отделов.

Критика в адрес военной контрразведки прозвучала на заседании комиссии Главного военного совета в апреле 1940 года в выступлении начальника Автобронетанкового управления РККА командарма 2 ранга Д.Г. Павлова. Он, к примеру, констатировал, что Особый отдел НКВД СССР давал ему в ходе войны не соответствовавшие реальности сведения⁵. В негативном плане упомянул агентурную работу особых отделов начальник артиллерии 8-й армии комбриг Н.А. Клич. Он заявил буквально следующее: «Если я соберу

² Там же. С. 617, 618.

³ *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник. М., 2010. С. 659, 745.

⁴ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Документы. М., 2006. С. 185.

⁵ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004. С. 352.

своих помощников и отзовусь о формах работы иностранной армии положительно, то заранее знаю, что из 10 присутствующих 9 будут писать донесения»⁶.

Сгладить ситуацию попытался начальник ВВС РККА командарм 2 ранга Я.В. Смушкевич, который посчитал разговоры об особых отделах не главными при разборе состояния дел в Красной армии⁷. Однако выступавшие за ним генералы продолжили тему об органах военной контрразведки, а также о контрпродуктивности масштабного засекречивания информации, необходимой командирам и начальникам.

Приводя фрагменты выступлений участников совещания комиссии Главного военного совета, следует подчеркнуть, что ни одного доклада от имени органов НКВД на нем не прозвучало. И это при том, что в эти же дни (14-17 апреля 1940 г. – Авт.) на прошедшем при ЦК ВКП(б) совещании по обобщению опыта боевых действий с Финляндией присутствовали 17 представителей Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, включая начальника Особого отдела В.М. Бочкова, трех его заместителей и практически всех руководителей отделений⁸. Среди 64 членов комиссии Главного военного совета по обобщению и редакции предложений, выдвинутых участниками совещания, мы не находим ни одного ответственного сотрудника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР⁹. Несмотря на это, подкомиссией по партийно-политической работе (руководитель – начальник Политического управления РККА Л.З. Мехлис. – Авт.) были выработаны предложения, напрямую затрагивавшие организацию и практическую деятельность особых отделов. В частности, рекомендовалось привлекать к ответственности совершеннолетних членов семей изменников Родины, для чего добавить ряд положений в соответствующую статью закона от 8 июня 1934 года. Военным советам фронтов и отдельных армий предлагалось разрешить давать санкции на арест красноармейцев, младших и средних командиров по представлениям особых отделов¹⁰. Участники совещания положительно оценили работу, проведенную контрольно-заградительными отрядами (КЗО). Эти отряды были созданы на основании совместного приказа наркомов обороны и внутренних дел СССР №003/0093 от 24 января 1940 года. В задачи КЗО входило пресечение случаев дезертирства, а также очистка тылов действующей армии от «вражеского элемента». Предлагалось в случае нового вооруженного конфликта или войны незамедлительно воссоздать заградительные отряды на основных направлениях действий армий и подчинить их органам НКВД¹¹. А в пункте 17 принятого на совещании

⁶ Там же. С. 355.

⁷ Там же. С. 367.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 42-44.

¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹ Там же. С.127.

документа прямо указывалось на потребность в кратчайший срок издать положение о работе особых отделов в военное время. Также категорически подчеркивалось, что именно военные советы фронтов и армий должны объединять и направлять деятельность особых отделов, военной прокуратуры и военных трибуналов. Предлагалось, в частности, воссоздать оправдавшие себя как в мирной, так и в военной обстановке постоянно действующие военно-политические совещания под руководством членов военных советов фронтов (армий), разработать в ближайшее время и издать положение о них. Одним из участников данного совещания, представлявшего собой некий рабочий орган, должен быть и начальник соответствующего особого отдела, а принимаемые решения являлись бы обязательными для исполнения всеми представленными в нем структурами (политическим управлением, особым отделом, военной прокуратурой и трибуналом. – Авт.)¹².

Следует заметить, что участие чекистов в военно-политических совещаниях предусматривалось еще в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 января 1939 года «О работе особых отделов НКВД СССР», однако этот коллегиальный орган регулярно не функционировал¹³.

В течение второй половины 1940 года основная часть предложений участников совещания в подкомиссии по партийно-политической работе были реализованы. В частности, в августе Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление об усилении работы по борьбе с изменой Родине. В документе отмечалось, что в отношении лиц, совершивших побег или перелет за границу, уголовные дела расследуются в ускоренном порядке военными трибуналами и приговоры выносятся не позднее чем через 10 дней. Военной коллегии Верховного суда СССР предлагалось выносить решения и о привлечении к уголовной ответственности членов семей изменников Родины¹⁴.

Активно действовал созданный еще в апреле 1939 года мобилизационный отдел НКВД. Его сотрудники доработали свой план в части, касавшейся формирования и укомплектования личным составом особых отделов фронтов, армий и подчиненных им органов. В соответствии с приказом НКВД СССР №00668 от 28 мая 1940 года при особых отделах военных округов и армий были проведены двухмесячные учебные сборы лиц чекистского запаса, подлежащих переподготовке. Всего на эти сборы привлекались 725 человек¹⁵.

¹² Там же.

¹³ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш»... С. 18.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 28. Л. 73.

¹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 190.

В январе 1941 года приказом заместителя наркома внутренних дел №0087 было введено в действие «Наставление по мобилизационной работе органов НКВД», где нашли свое отражение и необходимые мероприятия по линии военной контрразведки в условиях общей, частичной, скрытой или открытой мобилизации. Наблюдение и контроль выполнения наставления возлагались на начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР¹⁶.

На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР в состав созданного Совета обороны вошел нарком внутренних дел Л.П. Берия, который и отвечал за реализацию всех управленческих решений высшего уровня в отношении органов госбезопасности, включая и военную контрразведку¹⁷. Именно он предложил членам Политбюро и Совета обороны заменить на посту начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР (военная контрразведка) профессионального пограничника В.М. Бочкова на выпускника военной академии А.Н. Михеева, уже более года возглавлявшего Особый отдел Киевского военного округа и зарекомендовавшего себя с положительной стороны. Несомненно, это был шаг навстречу С.К. Тимошенко, назначенному в мае 1940 года наркомом обороны СССР. Последний принимал неотложные меры по укреплению центрального аппарата НКО, улучшению руководства войсками, выстраивал более жесткую вертикальную линию управления. Чувствуя поддержку всех членов Совета обороны, включая И.В. Сталина и Л.П. Берия, он впервые с 1918 года предпринял попытку взять под свой контроль всю систему военной контрразведки.

Имея информацию о поступившем в ЦК ВКП(б) проекте реорганизации НКВД СССР и разделении его на два наркомата, С.К. Тимошенко направил И.В. Сталину и В.М. Молотову докладную записку, в которой отмечал, что в настоящее время происходит «коренная перестройка функций командования, направленная на укрепление единоначалия и сосредоточения в руках командира всех органов управления». Поэтому, как считал С.К. Тимошенко, начальника Особого отдела РККА надо назначать только приказом наркома обороны, которому и должен быть всецело подчинен начальник военной контрразведки¹⁸.

Получатели докладной записки поддержали поступившее предложение, и через несколько дней после разделения Наркомата внутренних дел на НКВД и НКГБ (3 февраля 1941 г. – Авт.) состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О передаче Особого отдела из НКВД СССР в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота СССР»¹⁹. При этом необходимо отметить, что в упомянутом выше проекте реорганизации НКВД СССР, поданном Л.П. Берией в ЦК ВКП(б) в январе 1941 года, ничего не говорилось о

¹⁶ Там же. Кн. 2. С. 22.

¹⁷ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш»... С. 180.

¹⁸ Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ) России. Ф. Зос. Оп. 8. Д. 6. Л. 123.

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919-1952. Каталог. Т. 3. 1940-1952. С. 151.

выделении военной контрразведки. Поэтому однозначно можно утверждать, что Л.П. Берия вынужден был согласиться с мнением членов Политбюро, так как сам он в это время являлся лишь кандидатом в члены этого высшего органа повседневного руководства большевистской партией и не обладал достаточным для конфронтации с большинством Политбюро политическим весом.

В преамбуле постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР отмечалось: «За время своего существования особые отделы НКВД проделали большую работу и сыграли положительную роль в деле разгрома контрреволюционных элементов, проникших в Красную армию и Военно-морской флот. В настоящее время в связи с укреплением Красной армии и Военно-морского флота, значительным усилением их мощи и боевой готовности, ростом хорошо подготовленных и преданных делу партии Ленина-Сталина кадров командного и политического состава ЦК ВКП(б) и СНК СССР считает целесообразным передать органы особых отделов из ведения НКВД в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота»²⁰.

Согласно данному постановлению Особый отдел ГУГБ НКВД СССР ликвидировался, а вместо него создавались третьи управления НКО и НК ВМФ соответственно. В НКВД СССР остался лишь 3-й отдел, в задачу которого входило обеспечение безопасности всех войск наркомата, а также милиции и пожарной охраны.

Аппаратам третьих управлений и 3-го отдела поручалось решать следующие задачи:

1. Борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной армии, ВМФ и войсках НКВД;

2. Выявление и информирование руководства наркоматов обо всех недочетах в состоянии воинских частей и сил флота и обо всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих. Для решения указанных задач аппаратам военной контрразведки необходимо было использовать агентурно-осведомительную сеть в войсках и их окружении, производить следствие по делам, отнесенным к их компетенции, а также осуществлять обыски, аресты и выемки²¹.

Начальники третьих управлений НКО и НК ВМФ, а также начальник 3-го отдела НКВД подчинялись непосредственно своим народным комиссарам, что избавляло военную контрразведку от вмешательства в ее дела руководителей других наркоматов. Такая же система подчиненности устанавливалась и на местах (в военных округах, на флотах и

²⁰ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш»... С. 240.

²¹ Там же.

флотилиях, в армиях, корпусах, дивизиях. – Авт.). ЦК ВКП(б) и СНК СССР назначили первых лиц управлений и отдела. Ими стали: А.Н. Михеев, А.И. Петров и А.М. Белянов в НКО, НК ВМФ и НКВД соответственно. Срок реорганизации был определен очень сжатый – 5 дней²².

Спешка с реализацией принятого решения не могла не сказаться на качестве проводившихся мероприятий. Ведь постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома предусматривало ряд процедур, требовавших определенного времени. Так, предписывалось, к примеру, направить весь личный состав особых отделов на укомплектование третьих управлений и отделов, передать туда литерные, агентурные и следственные дела, перечислить за вновь образованными структурами всех арестованных лиц, организовать камеры предварительного заключения для содержания подследственных, определить порядок использования военной контрразведкой сил наружного наблюдения и специальных технических средств органов НКГБ, наладить оперативный учет и т.д. Отсюда понятно, что в пятидневный срок удалось провести реорганизацию лишь формально, многие вопросы пришлось решать в течение месяца и более. Изменения в структуре военной контрразведки привели к переназначению оперативных и руководящих сотрудников, переводу многих из них на другие должности либо даже в другие места прохождения службы, а это, в свою очередь, серьезно сказалось на темпах и эффективности работы.

До сегодняшнего дня историки не пришли к однозначному мнению относительно обоснованности и своевременности предпринятой реформы военной контрразведки. На мой взгляд, данное решение было проведено лишь под давлением руководства НКО СССР. После выявившихся в ходе Советско-финляндской войны недостатков в организации и боеготовности войск И.В. Сталин шел навстречу любой инициативе НКО по укреплению системы управления.

Но ускоренное проведение реформы позволяет увидеть еще один существенный факт: военно-политическое руководство страны, безусловно, не намеревалось предпринимать какие-либо превентивные боевые действия в отношении нацистской Германии, как это утверждают некоторые авторы. И.В. Сталин и его ближайшие соратники надеялись, что войны с ней удастся избежать, по крайней мере до начала 1942 года. Ведь аксиомой является то, что проведение крупных реформ в любых сферах жизнедеятельности государства, включая и реформы специальных служб страны, результативно лишь в перспективно стабильной обстановке, когда потерянный темп их работы будет возможно постепенно восстановить. Изучение соответствующих материалов Центрального архива ФСБ России показывает, что с февраля до середины июня 1941 года 3-е Управление Наркомата

²² Там же. С. 242.

обороны смогло предоставить своему руководству всего несколько информации по важнейшим вопросам боевой готовности войск, недостаткам в управленческих действиях разноуровневых структур, включая и подразделения Генерального штаба. Так, в апреле 1941 года начальник военной контрразведки проинформировал С.К. Тимошенко о серьезных системных проблемах в Разведывательном управлении, разведотделах военных округов и зарубежных аппаратах²³.

По заданию ЦК ВКП(б) 3-е Управление НКО СССР, в частности его авиационный отдел, активно участвовало в информационном обеспечении готовившегося постановления «Об авариях и катастрофах в авиации Красной армии», которое было принято 9 апреля 1941 года. В определенной степени военные контрразведчики даже инициировали это решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома²⁴. Речь в этом документе шла далеко не только и не столько о технических причинах гибели летно-подъемного состава и потери самолетов, сколько о расхлябанности и недисциплинированности в авиационных частях, т.е. о субъективных моментах, что и находилось в фокусе деятельности военной контрразведки и политорганов. Начальник 3-го Управления НКО А.Н. Михеев, несмотря на прямую подчиненность наркому обороны, сообщил в Центральный комитет партии о «неблаговидном» поведении своего непосредственного начальника, который, якобы не разобравшись в причинах многих катастроф, подписал «замазывающий» все дело доклад заместителя наркома – руководителя ВВС РККА генерал-лейтенанта П.В. Рычагова. В итоге военно-политическое руководство страны посчитало необходимым снять последнего с занимаемой должности, а также предложило наркому обороны представить проект решения Главного военного совета в разрезе вышеуказанного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР²⁵.

За предвоенные месяцы 3-е управление НКО СССР реализовало с санкции наркома лишь одну серьезную оперативную разработку на группу генералов и офицеров бывшей латышской армии. Причем эта разработка была начата еще до проведения реформы военной контрразведки, и первые спецсообщения на имя И.В. Сталина по поводу проведенных арестов направлялись из НКГБ СССР за подписью В.Н. Меркулова, а не руководителя военной контрразведки А.Н. Михеева. Только после допросов главы антисоветской организации генерала Ж.К. Баха, с учетом того, что все лица, названные им в показаниях, являлись военными РККА (24-го территориального Латвийского стрелкового корпуса. – Авт.), оперативные и следственные материалы для дальнейшего расследования были переданы в 3-е Управление НКО СССР²⁶. Уволенных в запас,

²³ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 138. Л. 81.

²⁴ Там же. С. 261.

²⁵ Там же. С. 262.

²⁶ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш»... С. 248.

разрабатывавшихся и уже арестованных латышских генералов и офицеров НКГБ СССР оставил за собой. Этот факт, так же, как и проведение разработки военнослужащих в течение месяца после создания 3-го Управления Наркомата обороны, свидетельствует об отсутствии у В.Н. Меркулова, а, следовательно, и у Л.П. Берия желания отдавать военную контрразведку в другое ведомство, стремлении исподволь, пока еще идет реформа, переубедить И.В. Сталина в правильности принятого решения.

Здесь необходимо заметить, что в преамбуле постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома о передаче Особого отдела из НКВД в НКО и НК ВМФ СССР ничего не говорилось об успехах военных контрразведчиков по борьбе со шпионажем, будто они этой проблемой и не занимались. Речь шла только об укреплении боевой мощи Красной армии и Военно-морского флота, что само по себе не вызывало необходимости проведения реформы. Более того, если мы сопоставим задачи Особого отдела НКВД СССР, определенные постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 января 1939 года, с задачами 3-х управлений НКО и НК ВМФ, то увидим, что они текстуально во многом совпадают, а что касается информирования командования о вскрытых в войсках недостатках, то в первом документе это прописано даже более детально²⁷.

Таким образом, можно констатировать по крайней мере преждевременность реформы военной контрразведки, ее субъективистскую основу. И тем не менее реорганизация состоялась.

В середине марта 1941 года, т.е. через месяц после создания третьих управлений и отделов удалось разработать положение о них, которое по непонятным до сих пор причинам было утверждено наркомом обороны (к тому времени уже Маршалом Советского Союза. – Авт.) С.К. Тимошенко лишь 12 апреля и объявлено приказом НКО СССР №0028²⁸.

В положении подчеркивалось, что 3-е Управление существует на правах Главного управления НКО СССР, а его начальник подчиняется только народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения²⁹. Несомненно, И.В. Сталин ознакомился с текстом положения и не мог не обратить внимания на выделенные нами слова. После того, что было вскрыто в ходе проработки вопроса об аварийности и катастрофах в авиации, он, надо

²⁷ Там же. С. 17, 18, 240.

²⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... С. 55. Возможно, что затяжка с утверждением Положения о 3-м Управлении НКО СССР произошла из-за ситуации, сложившейся вокруг подготовки постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об авариях и катастрофах в авиации Красной армии» от 9 апреля 1941 г. Информационную основу этого документа составили спецсообщения начальника 3-го Управления А.Н. Михеева, поданные «через голову» наркома в высшие политические инстанции.

²⁹ Там же. С. 56.

полагать, почувствовал утрату одного из важнейших источников информации о состоянии советских Вооруженных сил, поддержав предложение наркома обороны С.К. Тимошенко о подчинении тому органов военной контрразведки. При таком рассмотрении данного вопроса становится понятным, почему буквально через несколько дней после утверждения на Политбюро выводов по фактам аварийности и катастроф и подписания наркомом своего приказа №0028 появилось совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О третьих управлениях НКО и НК ВМФ»³⁰. В нем отмечалось, что практика применения постановления о передаче Особого отдела НКВД в ведение НКО и НК ВМФ показала наличие проблем во взаимодействии всех структур госбезопасности и единстве их действий. Поэтому и состоялось решение о введении в штаты третьих управлений и в их местные органы (вплоть до бригадных, гарнизонных и т.д.) должностей заместителей, которые бы одновременно подчинялись соответствующим руководителям НКГБ – УНКГБ. Эти заместители назначались, перемещались и увольнялись со службы приказами НКГБ и содержались за счет сметы этого наркомата. В постановлении еще раз подчеркивалась роль центрального и территориальных советов руководителей спецслужб. Председателями советов являлись нарком госбезопасности и начальники УНКГБ. Таким образом, высшее военно-политическое руководство страны частично устранило негативный эффект от выделения военной контрразведки из общей системы госбезопасности. Вскоре руководитель большевистской партии стал инициировать решения о передаче ряда расследуемых дел на военнослужащих из 3-го Управления НКО в НКГБ СССР. В частности, 3 июня 1941 года состоялось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о передаче в наркомат госбезопасности дела на бывшего командующего ВВС Московского военного округа Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации П.И. Пумпура, арестованного еще 31 мая³¹.

Все отрицательные стороны осуществленной реформы проявились с началом Великой Отечественной войны, и уже 17 июля 1941 года на основании постановления ГКО №187сс 3-е Управление НКО и подчиненные ему отделы были вновь преобразованы соответственно в Управление особых отделов, особые отделы фронтов и армий. Организационно они возвратились в состав НКВД СССР³².

Об авторе:

Зданович Александр Александрович – советник Генерального директора Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук.

³⁰ Там же. С. 262, 263.

³¹ Там же. С. 285.

³² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... С. 337.